

Чечулина Алла Анатольевна

канд. юрид. наук, доцент, профессор

Никитова Анна Вячеславовна

магистрант

АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

г. Москва

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОМ ПРАВОСУДИИ

***Аннотация:** в статье анализируется концепция электронного правосудия, исследуются подходы к пониманию электронного правосудия в России и за рубежом; определяется начальная стадии развития электронного правосудия в России. Формулируется вывод о необходимости дифференциации электронного и цифрового правосудия.*

***Ключевые слова:** цифровое правосудие, электронное правосудие, искусственный интеллект, электронное правительство, автоматизация, информатизация, трансформация, судебный процесс.*

Концепция «цифрового» (Digital Justice) или «электронного» (eJustice) правосудия была разработана и в настоящее время активно применяется в большинстве зарубежных стран. Так, в Сингапуре электронное правосудие eLitigation начало применяться еще с 1997 года, а с 2000 г. подача обращений в суд в электронном виде стала обязательной [7, с. 243]. В США сервис электронного правосудия PACER (Public Access to Court Electronic Records) был первоначально введен в 1988 г. как внутрисудебная система, а с 2001 г. – как единая электронная система с открытым интернет-доступом [1].

Однако в зарубежной правовой доктрине существует несколько подходов к пониманию сущности цифрового правосудия. Первый подход рассматривает цифровое правосудие как разновидность альтернативного правосудия, существующего параллельно с судебной системой государства [2, с. 122]. Второй подход включает цифровое правосудие в систему электронного правительства государства и понимает его как метод осуществления правосудия [7, с. 432].

В России концепция цифрового правосудия формируется в рамках второго подхода и находится еще на начальной стадии своего развития. Основные концептуальные возражения, связанные с созданием цифрового правосудия, связаны с тем, что оно не является государственной услугой в собственном смысле слова и не может быть включено в систему электронного правительства [3, с. 12–13]. Однако процесс создания концепции цифрового правосудия постепенно набирает обороты в общем русле современной судебной реформы, основываясь на положениях Федеральной целевой программы «Развития судебной системы России на 2013–2024 годы» (Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утв. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162740> (дата обращения: 22.06.2024) и общих положениях Национальной программы «Цифровая экономика» 2019 года (Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7 <https://национальныепроекты.пф/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-p/> (дата обращения: 22.06.2024). Однако единая системная концепция, определяющая понимание и этапы развития цифрового правосудия в России на сегодняшний день, отсутствует.

Концепция «цифровое» правосудие как элемент общей системы «цифрового правительства» существует в целом ряде зарубежных стран. Возникновению концепции цифрового правительства («Digital government») мы обязаны деятельности Американского Национального Научного Фонда, который в 1997 году занимался исследованием эффективности деятельности правительственных структур США [4, с. 122]. Часть правительственных структур, деятельность которой оказалось наиболее эффективной и способной создать транспарентный механизм взаимодействия с населением, посредством использования ИКТ, получила название «цифрового правительства», которое впоследствии было заменено на термин «электронное правительство» (e-Government). Так, в научном обороте появился

термин – электронное правительство, который получил признание по всему миру, адаптировавшись к особенностям разных стран.

Эффективность электронного правосудия определяется его основными задачами: 1) обеспечением доступа к правосудию; 2) повышением качества процедуры правосудия; 3) сокращение сроков отправления правосудия; 4) обеспечения прозрачности правосудия. Отдельно необходимо выделить такой аспект электронного правосудия как содействие унификации процессуального права, формирование общих процессуальных принципов [5, с. 11–16].

При этом, необходимо понимать, что электронное правосудие не сводится и не ограничивается созданием эффективной системы электронного документооборота и информатизацией судебной системы. Электронное правосудие – это не только «возведение в цифру» внешней стороны правосудия, это также изменение внутренней содержательной стороны правосудия. В связи с чем рядом российских исследователей была принята концепция дифференциации электронного и цифрового правосудия. Электронное правосудие рассматривается исключительно как использование информационных технологий в процессе осуществления судебной деятельности. В свою очередь цифровое правосудие понимается как новый формат, концепция правосудия, основанное на использовании искусственного интеллекта.

Обратимся к опыту развития цифрового правосудия в России и определению достигнутого им уровня развития на сегодняшний момент. Основные направления развития цифрового правосудия как элемента цифрового правительства соответствуют стадиям его развития и включают в себя: 1) автоматизацию; 2) информатизацию; 3) трансформацию [7, с. 241]. В России цифровое правосудие в целом находится в процессе движения от первой ко второй стадии цифровизации, ограничимся их рассмотрением.

Согласно последним заявлениям Председателя Верховного Суда РФ активно начат процесс цифровизации системы Московских городских судов. Одним из первых шагов к цифровизации правосудия стало применение искусственного интеллекта для обеспечения работы справочного центра, системы «Горячей

линии Московского городского суда», которая работает в столичных судах общей юрисдикции. С помощью искусственного интеллекта все телефонные обращения граждан обеспечиваются своевременными ответами: им сообщают о стадиях, на которых находится их дела, деталях заседания, составляют списки кандидатов в присяжные. Цифровые технологии помогают расширить доступ к правосудию, только за 2023 год в российские суды подали более 7 млн электронных документов. По видео-конференц-связи провели более 400 000 судебных заседаний, а с применением веб-конференции – свыше 500 000. Граждане, которые зарегистрированы на «Госуслугах», могут подавать процессуальные документы в московские СОЮ, знакомиться с электронными материалами дела и получать электронные судебные постановления, В планах распространить опыт столичных судов на всю Россию [7, с. 243].

В тоже время одной из основных проблем, связанных с введением цифрового правосудия, по-прежнему остается обеспечение защиты персональных данных участников и возможность их идентификации системой. Базовые правовые позиции по защите персональных данных в процессе осуществления судебной деятельности и прокурорского надзора были сформулированы Европейским Судом по правам человека. Право на защиту персональных данных не является абсолютным, то есть может быть ограничено государством в целях защиты публичных интересов, в частности отправления правосудия. Однако при этом должен соблюдаться ряд критериев: «1) ограничение права должно быть предусмотрено законом; 2) ограничение осуществляется в целях защиты публичных интересов; 3) отсутствуют другие способы защиты публичных интересов; 4) соблюден принцип пропорциональности и баланса между частными и публичными интересами» [6, с. 135].

Цифровизации и автоматизация основных сфер жизнедеятельности человека, члена общества и гражданина неизбежна. За последние годы накоплен разнообразный опыт применения цифровых технологий в системах правосудия по всему миру. Необходим единый подход и стандарт применения цифровых технологий в судебной системе на всей территории РФ. Это даст возможность всем

гражданам нашей большой страны эффективно и просто реализовывать одно из своих конституционных прав, а именно право на правосудие.

Список литературы

1. Public Access to Court Electronic Records (PACER) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pacer.gov/> (дата обращения: 12.02.2024).
2. Rainey D., Katch E. ODR and Government: Theory and Practice. Hague: Eleven International Practice, 2012.
3. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Аносов. – М., 2016. – С. 12–13. EDN YTHINX
4. Голубева А.А. Электронное правительство: введение в проблему / А.А. Голубева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – №2 (16). – С. 120–139.
5. Чечулина А.А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права / А.А. Чечулина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – №1. – С.11–16. EDN YKYMBR
6. Чечулина А.А. Некоторые аспекты защиты права собственности в практике Европейского Суда по правам человека / А.А. Чечулина // Вестник ВЭГУ. – 2015. – №6 (80). – С. 128–136. – EDN VDGGGH
7. Чечулина А.А. Цифровое правосудие как гарантия социальной справедливости: проблемы признания и перспективы развития / А.А. Чечулина // Правовое обеспечение социальной справедливости в условиях цифровизации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М.: Изд-во МосГУ, 2020. – С. 239–246. – EDN VLOHEM